

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

Аннотация. Процессы глобализации, являясь источником унификации социокультурного пространства, провоцируют новые проблемы и актуализируют проблему взаимодействия конфессий, поскольку один из наиболее вероятных путей – это конфликт на межрелигиозной основе. Многовековой опыт народов, проживающих на территории Юга России, отличающихся большим количеством этносов и вероисповеданий, показывает, что уважение и терпимость к иным культурам является основой добрососедства.

Ключевые слова: регион, этнос, культура, ценности, вероисповедание, межконфессиональное взаимодействие.

Социокультурное пространство Юга России формировалось на протяжении многовековой истории, впитывая в себя (в силу очень выгодного географического положения) как многочисленные потоки народов в силу разных обстоятельств, оказавшихся на «перекрестке цивилизаций», так и их этнокультурные особенности. На эту специфическую характеристику региона мы уже неоднократно обращали внимание в наших публикациях (см., напр., [1, 2, 3] и др.). Именно по этой территории проходили торговые пути (в том числе и знакомый всем еще по школьным учебникам Шелковый путь) между севером и югом, западом и востоком, а окраинное положение и малонаселенность земель привлекали сюда переселенческие потоки, различные как по национальному составу, так и по вероисповедной принадлежности. Однако, как свидетельствует практика, «... в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, чем больше качественно различных фаз он содержит, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер» [4, с. 154]. Исходя из данного тезиса, можно только догадываться, сколь сложными и противоречивыми являются характеры народов, проживающих на юге нашей страны и не единожды отстаивающих свое право на эту землю, культуру, веру.

Одно предварительное замечание. Мы разделяем, точку зрения, согласно которой религия является неотделимой частью культуры народа, она в широком смысле включает в себя религию как форму культуры (см., напр., [5, 6] и др.), поскольку, порою, провести между этими культурными феноменами просто невозможно. Но при этом никто не оспаривает, что религия выполняет важнейшие функции социума, среди которых формирование нравственных ориентиров для повседневного поведения людей, и утешение верующих и пр., [7].

Взаимодействие вообще – это понятие, принятое для характеристик форм человеческого со-бытия, человеческой деятельности и познания. Участники межконфессионального взаимодействия – это социальные группы, члены которых объединены верой, сформулированным вероучением, а также обрядовой деятельностью. Однако современные процессы глобализации, становясь локомотивом унификации социального пространства, вносят в социокультурное пространство региона новые проблемы, одна из которых – это проблема идентичности – национальной, гражданской, религиозной и пр., причем не только на глобальном уровне, но и в повседневной жизни людей. Как, например, чувствуют себя семьи, и особенно дети, в которых родители разной национальности и / или вероисповедания (см., напр., [8, 9] и др.) и пр.? Для юга страны – это не просто слова, это повседневность, поскольку межнациональные браки для юга страны не редкость, скорее, специфическая черта, имеющая глубокие исторические корни. По тем же школьным учебникам истории помним, что, например, казаки (а именно они в первую очередь охраняли южные рубежи страны) первоначально в большинстве своем не имели семей. Потом, оседая на земле, как заклятые враги крепостного рабства, они не женились на подневольных крепостных женщинах, чтобы не передать своему последующему потомству психологию раба. Вольных казачек было совсем мало, казаков много (главная ударная сила на пограничных рубежах). Казаки начали выбирать себе невест из «ясырок» – вольных чужестранок, взятых в плен во время походов на Кавказ, Персию, Крым. Но уважение к иной религии, как правило, присутствовало всегда. Бывает и в современной практике, что один из супругов принимает иную веру (справедливости ради, заметим, что чаще это все-таки женщина).

Не преувеличим, если скажем, что национальное многообразие региона поражает воображение своим количеством и составом. Так, например, только в Волгоградской области, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., насчитывается свыше 16 национальностей и более ста народностей. Пальма первенства на Юге России по национальному составу, без сомнения, принадлежит Дагестану, где проживают представители более 120 национальностей, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих разные религии [10]. В настоящее время, характеризуя социально-территориальную общность народов региона, можно сказать, перефразируя Л. Н. Гумилева, что это суперэтническая целостность, народ, который «объединяет взаимная комплиментарность, то есть взаимодополнение культур, существующая, несмотря на кое-какие различия в их быте и поведении. На основе исторических и биосферных предпосылок у народов Евразии сложились общее мировоззрение, общности идеалов в обустройстве социальной жизни, особое и неповторимое единство в чувстве духовности» [цит. по: 11, с. 162].

Однако процессы глобализации актуализируют проблему взаимодействия конфессий, поскольку один из наиболее вероятных путей – это конфликт на межрелигиозной основе [12]. Межрелигиозные конфликты очень болезненны, как для отдельного человека (никому хочется, чтобы его упрекнули в вероотступничестве), так и для всего социума (вера не требует доказательств, она либо есть, либо ее нет, но защищают ее весьма ожесточенно). Но при этом заметим, и практика семей, в которых супруги принадлежат разным религиям, это подтверждает, что сама по себе «религиозность – это не причина религиозного конфликта и не сфера его проявления. Само существование религиозных различий между группами не является причиной конфликта. Реалистичные причины конфликта могут варьироваться от случая к случаю» [13, с. 233]. Для региона, в «физическом пространстве» которого «очень плотно» проживает большое количество народностей и национальностей (а, следовательно, и большое количество смешанных браков), деструктивные и конфликтогенные стороны проявления культуры очень опасны. Получается довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, можно сказать, что добрососедство региона обеспечивается прозрачностью социокультурных границ и общностью менталитета, сформировавшегося за долгие годы. С другой, возможность использовать этот менталитет: «горячие точки», в основном приходятся на юг страны (свидетельством чему могут быть теракты, совершенные в Волгограде, первый из которых был совершен еще в 1996 году, теракты 2013 года, унесшие большое количество жизней).

Мы исходим из предположения, что поддержание и развитие добрососедских отношений, в том числе и на религиозной почве, опирается на долгие культурные традиции региона, принимающего культуры разных народов. Но следует сделать одну важную оговорку. Как правило, когда мы говорим о культуре, то делаем это в рамках сложившейся в гуманитарном знании традиции, которая ориентируется на рассмотрение социокультурной среды в возвышенно-романтическом стиле. При этом внимание акцентируется на гуманности культуры, ее нравственности, утонченности и эстетическом совершенстве. Ан нет! Следует признать, что в любой культуре присутствуют разнонаправленные тенденции: позитивные и негативные, интегрирующие и дезинтегрирующие, в том числе и конфликтогенные. Как справедливо замечает А. Я. Флиер, «Культура, прежде всего, нормативна, а «положительна» она лишь в идеальном своем воплощении» [14]. Именно культура, последовательно разделяя все, существующее в обществе, на «свое» и чужое, подчеркивает преимущества первого и нетерпима ко второму; она ограничивает свободу людей лишь «разрешенными» моделями поведения; боготворит традиции прошлого, не доверяя инновациям [14]. Выход за границы заданной конкретной культурой системы ориентиров строго контролируется и пресекается. В крайней степени проявления, стимулируя естественные стремления людей к селекции лучшего, чистоте и совершенству в своих проявлениях, культура может провоцировать и обосновывать массовое насилие по отношению к тем, кто маркирован как «чужой» и «враждебный», является объектом культурной селекции [15, с. 21].

Обеспечить стабильную и предсказуемую систему взаимодействий, может, по нашему мнению, система двусторонней симметричной коммуникации в форме диалога, когда каждый элемент этой системы (социум, религиозные организации, власть, конкретные люди) – вовлечены в процесс взаимодействия, погружения в иную культуру, ведь опираясь именно на свой опыт социальных взаимодействий, человек конструирует собственные жизненные ситуации.

Отсутствие серьезных межнациональных и межконфессиональных конфликтов на территории региона – подтверждение того, что многие народы, живущие в физической близости друг с другом, сумели за долгие годы соседства выработать модели поведения, обеспечивающие добрые отношения сформировали уникальное социокультурное пространство, богатое традициями прошлого разных народов. Но история и реальная практика предупреждают, что забывать о противоречивости проявления культуры ни коим образом нельзя. В связи с этим полагаем необходимым социологическое «сопровождение» (мониторинг) социокультурных процессов, протекающих и развивающихся на территории, как Волгоградской области, так и региона в целом.

Библиографический список:

1. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В., Петрунева Р. М. О необходимости диалога культур в эпоху глобализации // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. / Редкол.: Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина (отв. ред.), Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар; Волгоградский государственный технический университет. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – С. 6–14.
2. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Наумов И. Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 1 (29). – С. 88–97.
3. Дулина Н. В., Наумов И. Н. Генезис городской культуры степного Поволжья и социокультурное развитие региона // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – Т. 40. – Вып. 2. – С. 297–306.

4. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1971. – С. 122–158.
5. Румянцев, В. Место религии в культуре / Румянцевский музей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/360> (дата обращения: 20.12.2018).
6. Шпилькин, Ю. Религия составная часть национальной культуры / Проза.ру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/10/27/631> (дата обращения: 20.12.2018).
7. Акилова, М. Религия как часть культуры и ее роль в общественной жизни Таджикистана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-kak-chast-kultury-i-ee-rol-v-obschestvennoy-zhizni-tadzhikistana> (дата обращения: 20.12.2018).
8. Беликова Е. О. Качественные стратегии изучения религиозной идентичности в смешанных браках (на примере социологического исследования в Волгоградской области) / Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 1451–1456. – (DVD ROM).
9. Беликова Е. О. Социологическое изучение религиозной идентичности в смешанных браках / Религия и История: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 20–22 апреля 2017 года / БГУ, Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла; под ред. С. И. Шатравского; сост. С. И. Шатравский. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2017. – С. 281–284.
10. Алиев, Т. Полиглот Печкин. Родной язык и традиции народов Дагестана помогут сохранить мультфильмы // Российская газета – Юг России. – № 4604 от 5 марта 2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/03/05/reg-jugrossii/multiki.html> (дата обращения: 20.12.2018).
11. Сыздыкова, Ж. С. Евразийский союз: к будущему с учетом прошлого // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 161–164.
12. Козырев, Г. И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 68–78.
13. Силаева, З. В. Концептуально-методологические основы междисциплинарного анализа понятия «Религиозный конфликт» // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 3. – С. 232–234.
14. Флиер, А. Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (дата обращения: 20.09.2018).
15. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 1. – С. 19–25. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/1/Flier_Violence/ (дата обращения: 20.09.2018).

Евдокимова Л. С.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В ИДЕОЛОГИИ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Аннотация. Христианская демократия представляет собой уникальный и жизнеспособный вариант приращения христианской этики к общественно-политическим проблемам послевоенной Европы. Масштаб присутствия религиозного компонента в политической риторике и практической деятельности христианско-демократических объединений варьировался, давая повод в обвинении христианских демократов то в клерикализме, то в отходе от духовных ориентиров.

Ключевые слова: христианская демократия, политика, религия, клерикализм.

Вопрос о соотношении религии и политики занимает важное место в идеологии христианско-демократического движения. Это связано с базовой установкой на «христианизацию» демократии, утверждение в общественной жизни христианской этики, а также дискуссиями о совместимости христианского и демократического. Масштабы возможного присутствия христианских принципов в программных документах и практической деятельности политических партий и общественных объединений обосновывались христианами демократами неоднократно на протяжении их существования.

Христианский элемент в политической риторике христианских демократов позволил относить их к клерикальным формированиям, что было особенно характерно для советской науки. Советские ученые подчеркивали немецкий христианско-демократический опыт, полагая, что именно в послевоенной Западной Германии удалось создать клерикально-милитаристское государство [1]. В этом государстве религиозные институты поддерживали господствующие позиции монополистического капитала, а политический клерикализм обеспечивал идеологическое обоснование классового доминирования буржуазии. Некоторые современные авторы также обнаруживают выраженный клерикализм в деятельности христианско-демократических объединений из-за тесного взаимодействия с религиозными институтами и попытками обеспечить